

УДК 575.87

А.А. Бражников

Бражников Александр Асланович, студент 3 курса бакалавриата группы КТ-18 факультета дизайна, изобразительных искусств и гуманитарного образования Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: alexandro_brazha@mail.ru

Научный руководитель: **Лях Валентина Ивановна**, доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: valentinaiaich@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕОРИИ ГЛОТТОГЕНЕЗА

В данной статье автор рассматривает основные эволюционные теории происхождения языка и структурирует их в единую систему эволюционной глоттогонии. Особое внимание уделяется палеоантропологическим и сравнительно-этологическим исследованиям. Постулируется значимость глоттогонических исследований для культурологии.

Ключевые слова: глоттогенез, эволюционные теории, человеческий язык.

A.A. Brazhnikov

Brazhnikov Alexandr Aslanovich, student of 3st course of baccalaureate of KT-18 of faculty of design, fine arts and humanitarian education of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), e-mail: alexandro_brazha@mail.ru

Research supervisor: **Lyakh Valentina Ivanovna**, doctor of philosophy, professor of department of history, culturology and museology of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), e-mail: valentinaiaich@mail.ru

ON THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF LANGUAGE: EVOLUTIONARY THEORIES OF GLOTTOGENESIS

In this article, the author sets out the main evolutionary theories of the origin of language and structures them into a single system of evolutionary glottogony. Special attention is paid to paleoanthropological and comparative ethological studies. The importance of glottogonic research for culturological is postulated.

Key words: glottogenesis, evolutionary theories, human language.

Глоттогенез (глоттогония) – это процесс происхождения, формирования и становления как человеческого естественного звукового языка [3, с. 108–109]. Актуальность обращения культуролога к данному вопросу обуславливается возрастающим в настоящее время интересом к интернализации в систему социально-гуманитарного знания полученных с начала XXI века данных из области эволюционной биологии и антропологии, которые дают фундаментальное представление о генезисе социально-культурных явлений (и в частности – такого базисного паттерна, как способность людей к коммуникации, порождающая весь спектр возможностей для накопления и передачи социокультурного опыта).

Вопрос о происхождении языка интересовал мыслителей со времен Античности, уже тогда появилась первая эволюционная теория глоттогенеза, известная как теория «φύσει» – «по природе». Впоследствии философия языка оформилась в качестве самостоятельной философской дисциплины [7], осмысливающей роль языка и речи в познании, структурах сознания, в обобщении и передаче накопленных знаний. В рамках классической европейской науки традиционно выделяется несколько основных концепций происхождения языка: междометийная (самым известным ее сторонником был Жан-Жак Руссо), звукоподражательная (Хейман Штейнталь), трудовая (Людвиг Нуаре) и др. Нам представляется наиболее проработанным и аргументированным эволюционистский подход к данной проблеме.

Хотя необходимо заметить, что как таковой единой эволюционной теории глоттогенеза не существует, это, скорее, общее направление научной мысли, объединяющее целый комплекс подобных теорий, многие из них имеют достаточно широкую доказательную базу. Наибольший интерес в рамках эволюционистской концепции представляют адаптационная теория Стивена Пинкера и мутационная теория Ноама Хомского. Их альтернативой можно считать существующую в неodarвинизме теорию культурных репликаторов (также известную как «меметика»), которая представляет языки в качестве популяции «интеллектуальных вирусов», развивающихся в соответствии с дарвиновской концепцией эволюции и единственного отбора [10, р. 13–27]. Такого рода идеи последовательно развивал английский эволюционный биолог Ричард Докинз, однако они не нашли широкого признания в научном сообществе.

Наиболее вероятным представляется, что человеческий язык эволюционировал от отправной точки коммуникации животных, которая выражена в случае приматов жестовым языком. Это дает основания полагать, что человеческий язык прошел следующие основные этапы своего становления: 1) жестикуляция; 2) устная речь; 3) письменный язык. Никаких сведений о «жестовом языке» у древних гоминид по понятным причинам не

сохранилось, и потому эта стадия является полностью гипотетическим построением, хотя в пользу нее явно говорят данные приматологии. Что же касается устного языка, то за его развитием мы можем следить, исходя из палеоантропологических исследований.

В теле человека есть многочисленные «приспособления» для производства и восприятия членораздельной речи. Главные из них – это гортань и подъязычная кость, причем, обе они у *Homo sapiens* расположены ниже, чем у всех других современных приматов. Низкое положение гортани дает возможность четкого произнесения звуков, что собственно и является основой возникновения членораздельной речи, а низкое расположение подъязычной кости значительно расширяет спектр возможных движений глотки, гортани и языка относительно друг друга.

Гортань не содержит костей, а составляющие ее мягкие ткани не сохраняются, так что материальных сведений о ее расположении у древнего человека добыть невозможно. Иначе обстоит дело с подъязычной костью. Хотя исследователи располагают лишь немногими ее образцами, эти находки имеют важнейшее значение для представления об эволюции голосового аппарата у древних *Homo*. Наибольшую известность получили найденная в Израиле подъязычная кость неандертальца и подъязычная кость гейдельбергского человека из Испании. Эти образцы отличаются друг от друга, показывая видовое различие *Homo neanderthalensis* и *Homo heidelbergensis*, но при этом однозначно схожи с подъязычной костью современного человека (как по расположению, так и по анатомической структуре), в то же время явно отличаясь от таковых у других современных приматов. Это дает все основания полагать, что у названных ископаемых видов людей уже существовала речевая коммуникация [2]. Напротив, исследованная подъязычная кость афарского австралопитека оказалась такой же, как у шимпанзе.

Итак, что же привело к изменению голосового аппарата у древних *Homo* и когда эти изменения произошли? На первый вопрос в современной

науке существует два ответа: предполагается, что это было вызвано случайной генетической мутацией [14] или же компонент врожденного языка мог стать результатом ряда эволюционных адаптаций.

Основоположником «мутационной теории» является Ноам Хомски, в настоящее время у нее насчитывается много сторонников. В 2000-х гг. был получен ряд данных, позволивших связать возникновение языка у человека с двумя мутациями в гене FOXP2 на 7-й хромосоме, в результате которых белок FOXP2 человека отличается от белка FOXP2 шимпанзе и других приматов заменой двух аминокислот: треонина на аспарагин в 303-й позиции и аспарагина на серин в 325-й позиции [13]. Примечательно, что эти замены имели место и у неандертальца.

В то же время и теория эволюционных адаптаций в последнее время обретает все большую популярность. Недавние палеоантропологические исследования эволюции человека в плейстоценовую эпоху дали основания полагать, что различные биологические преадаптации к разговорной речи берут свое начало в прибрежном прошлом Номо. Нырание с задержкой дыхания для добывания морепродуктов и всасывающее кормление моллюсками объясняет, почему у людей, в отличие от других гоминоидов, подъязычная кость опустилась в глотку. Независимые археологические, палеоэкологические, изотопные и др. исследования показывают, что ранее плейстоценовые люди действительно расселялись между континентами вдоль берегов Индийского океана и даже достигли заморских островов, таких как Флорес, где они регулярно ныряли в поисках прибрежной пищи, такой как ракушки и раки [12]. Нырание за морепродуктами требует контроля дыхательных путей, что является предпосылкой разговорной речи, а всасывающее питание морепродуктами означает тонкий контроль орального аппарата, что возможно, стало еще одной преадаптацией к появлению человеческой речи, особенно важной для производства согласных звуков [15]. Однако на второй вопрос – когда произошли соответствующие изменения – пока нет ни одного в достаточной мере аргументированного

ответа; высказываются разные версии, от *Homo habilis* и *Homo erectus* до *Homo heidelbergensis*.

Третьей стороной эволюционной концепции происхождения языка, помимо того, как и когда он возник, является вопрос о том, чем отличается коммуникация человека от других коммуникативных систем живых существ. Так, существует мнение, что ключевой особенностью, отличающей человеческий язык, является рекурсия. Однако другие исследователи, и в частности – Дэниел Эверетт [11] – отрицают универсальность рекурсии, ссылаясь на наличие человеческих языков, таких как пираха и рокотас, в которых отсутствует эта функция. Другая точка зрения гласит, что человеческий язык отличает способность к абстрагированию и символизации, однако исследования Б. и Р. Гарднеров убедительно показали, что эта способность вовсе не является уникальной [4].

Существует и такое мнение, что способность задавать вопросы отличает человеческий язык от «языков животных». Так, некоторые содержащиеся в неволе приматы (особенно наиболее филогенетически близкие к человеку бонобо и шимпанзе), обучившись человеческому жестовому языку, оказались способными правильно отвечать на задаваемые им сложные вопросы и просьбы, однако сами при этом не задали ни одного даже самого простого вопроса. Напротив, человеческие дети задают свои первые вопросы (используя только вопросительную интонацию) еще задолго до того, как освоят соответствующие синтаксические конструкции. То есть когнитивно-гносеологическая функция (или попросту любознательность) может оказаться тем самым фактором, который отличает человека от всех остальных животных и который дал возможность, наряду с произошедшими анатомическими и генетическими изменениями для появления звучащей человеческой речи.

Впрочем, сложность сопоставления человеческого языка с системами коммуникации животных состоит в том, что человек во многих случаях просто не может правильно понять их в силу принципиально иного

способа/аппарата коммуникации, что, однако, вовсе не должно означать априорного опрощения «животных языков». Особенно это касается филогенетически далеких от человека видов. Так, известно, что у дельфинов существует сложный жестовый и звуковой язык. Язык тела дельфинов включает в себя принятие различных поз, прыжки, повороты, движения хвостом, головой, плавниками и др., имеющие явную смысловую нагрузку; звучащий язык выражен большим спектром звуковых импульсов и ультразвука. Предполагается, что «словарный запас» дельфинов достигает 14000 звуковых сигналов [5, с. 174]. Однако дельфиний язык (по крайней мере, пока что) недоступен человеческому пониманию, и мы не знаем, например, задают ли дельфины вопросы.

Во всяком случае можно с определенной уверенностью сказать, что человеческий язык со всей сложностью его организации не столь уникален, как это было принято считать раньше. Единственной не поддающейся сомнению его уникальной особенностью является наличие письменной формы, которая стала возможной благодаря развитию мелкой моторики человеческой руки. Следует отметить, что роль руки в становлении человека разумного была обозначена еще Ф. Энгельсом в известном сочинении «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [9, с. 488 – 89].

Напомним, что на первой стадии своего существования человеческий язык, скорее всего, имел жестовую форму, звуки могли использоваться в качестве эмоционального дополнения; однако в ходе эволюции, с появлением палеолитической культуры, по-видимому, произошел процесс замещения: изготовление орудий труда требовало ручной работы, так что передние конечности оказались заняты и гораздо более удобным оказалось звуковое общение, возможность которого была обеспечена описанными выше мутациями и адаптациями. Позднее руки древнего человека развились настолько, что для него стало возможным создавать наскальную живопись, со временем эволюционировавшую в петроглифы, пиктограммы и, наконец, полноценную письменность. Здесь, как можно заметить, прослеживаются

отголоски трудовой теории, которая, однако, в данном случае нисколько не противоречит эволюционной, отражая процесс коэволюции биологического тела человека и его культуры [8, с. 5–6].

Итак, при проведении культурологических исследований отправной точкой, по нашему мнению, должно служить представление о коэволюции генома человека и его культуры, которая выражается в наличии двух взаимообуславливающих траекторий развития *Homo sapiens*: естественной (натуральной) и культурно-исторической [1]. Об этом в настоящее время много говорят биологи (см., например, выступления Александра Маркова [6]), однако зачастую обходят вниманием культурологи. Мы считаем перспективной интернализацию естественно-научного знания в социально-гуманитарную сферу науки и находим ее необходимым условием для действительно полного, всестороннего осмысления феномена культуры. Частным случаем такой интернализации является вхождение биоэволюционных теорий глоттогенеза в дискурс лингвокультурологии и культурно-исторических (палеокультурных) исследований.

Подводя общий итог, хотелось бы отметить несколько ключевых моментов данной работы:

- 1) предпосылками для появления человеческой речи были естественные факторы эволюции, такие как адаптивные изменения и изменения мутационного характера;
- 2) система человеческой коммуникации эволюционировала от жестокого языка через устную речь к письменности;
- 3) устная речь не является «изобретением» *Homo sapiens*, она, вероятно, существовала и у других ископаемых видов людей;
- 4) письменная форма человеческого языка, присущая только представителям вида *Homo sapiens*, есть единственная несомненная его отличительная особенность от каких-либо других систем коммуникации живых организмов;

5) возможно, еще одна специфическая черта состоит в том, что язык человека, помимо несения коммуникативной функции, является средством познания мира, тогда как язык животного выступает лишь в качестве средства коммуникации;

6) становлению звучащей речи, по всей видимости, способствовала не только биологическая, но и культурная эволюция, поэтому в рамках эволюционной концепции глоттогенеза, наряду с мутационной и адаптационной, следует рассматривать и трудовую теорию в ее культурно-историческом аспекте (подчеркивая значимость в рассматриваемом процессе факторов развития палеолитической культуры).

Таким образом, в статье обозначены основные эволюционные теории глоттогонии и актуализуется их роль в культурологических исследованиях.

Список используемой литературы:

1. *Бажанов В.А.* Кантианская программа в современной политологии: нейropolитология // Социум и власть. – 2017. – № 1(63). – С. 43–49.

2. *Бурлак С.* Время появления звучащей речи по данным антропологии // Вестник МГУ. Серия XXIII: Антропология. 2012. – № 3. URL: <https://postnauka.ru/longreads/38342> (дата обращения: 27.02.2021).

3. *Иванов Вяч. Вс.* Глоттогенез // Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

4. *Крушинская Н.Л., Лисицына Т.Ю.* Характерные черты условно-рефлекторной деятельности дельфинов. URL: <http://ethology.ru/library/?id=180> (дата обращения: 28.02.2021).

5. *Лукашанец Д.А., Мазур О.Ч., Ивинская С.С.* Животные. – М.: Эксмо, 2017. – 224 с.

6. *Марков А.В.* Коэволюция мозга и культуры. URL: <https://youtu.be/AERQrIyk7og> (дата обращения: 24.02.2021).

7. *Огурцов А.П.* Философия языка // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – 2816 с.

8. *Фаликман М.В., Коул М.* «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 4–18.

9. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. – Т. 20. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. – С. 486–499.

10. Dawkins R. Viruses of the mind. // Dennett and his Critics: Demystifying Mind. / Dahlbom B. (ed.). Oxford : Blackwell, 1993. 256 p.

11. Everett D.L. Cultural Constraints on Grammar and Cognition in Piraha Another Look at the Design Features of Human Language // Current Anthropology. – 2005. – № 46 (4). – P. 621–646.

12. Joordens J. et al. Homo erectus at Trinil on Java used shells for tool production and engraving // Nature. – 2015. – № 518. – P. 228–231.

13. Nudel R., Newbury D.F. FOXP2 // Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. – 2013. – № 4(5). – P. 547–560.

14. Progovac L. Review: Why only us? Language and evolution by Robert C. Berwick and Noam Chomsky // Language. – 2016. – № 92(4). – P. 992–996.

15. Verhaegen M., Munro S. Possible preadaptations to speech – a preliminary comparative approach // Human Evolution. – 2004. – № 19. – P. 53–70.